

Л. К. Ланцова, И. В. Щербакова
*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского*

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК КОНЦЕПТОВ «СУДЬБА» И «ДУША» КАК СОСТАВЛЯЮЩИХ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности языковой репрезентации русских национальных концептов «судьба» и «душа» в произведениях А. П. Чехова и их переводах на английский язык. Материалом анализа являются пьесы А. П. Чехова «Чайка», «Вишневый сад» и «Три сестры» и их переводы на английский язык, выполненные британскими писателями-драматургами К. Хэмптоном, Т. Стоппардом, Х. Эплином, С. Рул и М. Фрейном. Результаты анализа показали, что когнитивно-пропозициональная структура концепта «судьба» представлена позициями субъекта, предиката, объекта, места действия и атрибутивной характеристики. Когнитивно-пропозициональная структура концепта «душа» включает позиции субъекта, объекта, места действия и атрибутивной характеристики. В целом, когнитивно-пропозициональная структура концептов имеет сходные позиции в пьесах и их переводах.

Ключевые слова: *судьба, душа, концепт, лексико-семантическое поле, когнитивно-пропозициональная структура, лексическая единица.*

THE PROBLEMS OF TRANSLATION OF RUSSIAN NATIONAL CONCEPTS “DESTINY” AND “SOUL” INTO ENGLISH

Abstract. The article deals with the linguistic representation of Russian national concepts “fate” and “soul” in A. P. Chekhov’s plays and their English translations. The research is based on A. P. Chekhov’s plays “The Seagull”, “The Cherry Orchard”, “The Three Sisters” and their translations by Ch. Hampton, T. Stoppard, H. Aplin, S. Ruhl and M. Frayn. Its results show that the cognitive-propositional structure of the concept “destiny” is represented by subject, predicate, object, place setting and attribute positions. The cognitive-propositional structure of the concept “soul” comprises subject, object, place setting and attribute positions. In general, the cognitive-propositional structure of the Russian concepts represented in Chekhov’s plays correlates with their representation in English translations.

Keywords: *destiny, soul, concept, lexico-semantic field, propositional structure, lexical unit.*

Концепты представляют собой сложный феномен, который активно изучается в рамках различных наук. Данный феномен нуждается в детальном изучении в том числе с позиции лингвистики, так как выявление особенностей концептов может позволить ученым получить уникальную информацию об осуществлении речемыслительной деятельности человека. Анализ языкового выражения концептов, составляющих национальную концептосферу каждого народа, также позволяет ученым выявить существующие в нем ценности и культурно-исторические особенности, отразившиеся в сознании носителей данного языка.

Для изучения лингвистических особенностей выражения русских национальных концептов «судьба» и «душа» и их перевода на английский язык представляется целесообразным начать с определения и характеристики понятия «концепт». Данное понятие исследуется во многих работах русских и зарубежных ученых. Было предложено большое количество определений концепта, в которых анализируются те или иные его характеристики. Наиболее полным в отечественных исследованиях является определение З. Д. Поповой и И. А. Стернина, которые предлагают понимать концепт как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [1, с. 24].

В данном исследовании внимание уделяется языковой репрезентации русских национальных концептов «судьба» и «душа», относящихся к ключевым концептам русской национальной концептосферы. Анализ языкового выражения данных концептов позволяет наиболее полно узнать об особенностях мироощущения русского человека, его нравственных ценностях и идеалах.

Концепт «судьба» в русском языке обладает широким рядом значений. Ядро и периферию его значений можно установить посредством анализа его лексико-семантического поля. При изучении синонимического ряда лексемы «судьба» в Словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений были выявлены следующие единицы: *судьбина, рок, удел, жребий, доля, участь, счастье, будущность, грядущее, предназначение, предопределение, провидение, жизнь, линия, полоса, звезда, пути божии, гороскоп, фатум, фортуна, крест* [2]. В ядре лексико-семантического поля расположены единицы, имеющие значение участи, выпадающей человеку. Другое значение, которое включает данный концепт, описывает судьбу как будущее, которое предначертано для каждого человека. Наименьшее количество единиц, репрезентирующих данный концепт, заключают в себе значение выпавшей человеку удачи, счастливо сложившихся для него обстоятельств. На периферии данного поля находятся единицы, которые выражают рассмотренные выше значения метафорически (судьба как дорога или линия, судьба как результат божественной воли, судьба как предопределенное таинственными силами будущее).

Следует также рассмотреть значения лексико-семантического поля концепта «душа». Синонимический ряд лексемы «душа» представлен следующими единицами: *дух, сердце, грудь, внутренний мир, чувство, переживание, суть, естество, нутро, характер, темперамент* [2]. В ядре поля расположены единицы «дух», «сердце», «грудь», «внутренний мир», связанные с этимологическим значением лексемы «душа». Далее находятся единицы «чувство», «переживание», имеющие значение сильных эмоций,

испытываемых человеком. Еще одно значение, выражаемое концептом, описывает душу как иррациональное природное начало, благодаря которому человек существует («*суть*», «*естество*», «*нупро*»). На периферии поля находятся единицы, объясняющие душу как особенности личности и характера человека, его истинные мысли и мотивы.

В языковой репрезентации английских концептов “*destiny*” и “*soul*” обнаруживаются сходства с вербализацией русских национальных концептов. По мнению Н. В. Ждановой, данные сходства объясняются наличием у славянской и западной культур общих индоевропейских мотивов на уровнях мифологии и этимологии [3, с. 53].

Синонимический ряд лексемы “*destiny*” представлен следующими лексическими единицами: *future, doom, fate, fortune lot, portion, due, nemesis, providence, predestination, predetermination, divine decree, God's will, kismet, the stars, luck, chance* [4]. Сравнение лексико-семантических полей сходных концептов в русском и английском языках позволяет выявить ряд общих значений. Английский концепт “*destiny*” также имеет значение предначертанного для человека будущего, которое выражается лексемой “*future*”, однако данное значение находится ближе к ядру поля концепта, чем в русском языке. Значения, выражающие предопределенность происходящих событий и выпадающую человеку участь, находятся в ядре поля концепта, что характерно и для русского языка (“*fate*”, “*doom*”, “*lot*”, “*portion*”, “*due*”, “*providence*”, “*predestination*”, “*predetermination*”). Кроме того, лексико-семантические поля концептов «*судьба*» и “*destiny*” содержат сходные значения выпадающей человеку удачи, решения небесных сил, звезды. И в русском, и в английском языках единицы, описывающие особенности влияния судьбы на человека метафорически, расположены на периферии лексико-семантических полей концептов.

Тем не менее, полевая структура концептов «*судьба*» и “*destiny*” не является идентичной. Прежде всего, значение богатства и успеха (*fortune*), которое находится в ядре концепта “*destiny*”, совершенно нехарактерно для понимания концепта «*судьба*» русским человеком. Данное явление можно отнести к семантическим лакунам – разновидности языковых лакун, для которых характерно отсутствие единицы смысла (семемы), соответствующей явлению, и отсутствие слова для обозначения данной семемы [5, с. 85]. Кроме того, концепту “*destiny*” в английском языке присуща сема конечности и разрушения (*fate, doom*), отсутствующая в русском национальном концепте. Поле концепта “*destiny*” также содержит семантические лакуны. Во-первых, в поле концепта “*destiny*” отсутствует единица, метафорически выражающая участь человека как предназначенный ему крест, что указывает на более рациональный взгляд человека на выпадающие ему испытания. Во-вторых, в лексико-семантическом поле концепта “*destiny*” отсутствуют единицы, метафорически выражающие судьбу человека как путь или дорогу.

В свою очередь, синонимический ряд лексемы “*soul*” включает следующие единицы: *spirit, essence, psyche, life, vitality, being, heart, mind,*

reason, intellect, vital force, animating principle [6]. Как и концепт “*destiny*”, концепт “*soul*” охватывает большое количество языковых значений, сходных со значениями русского национального концепта «душа». В ядре лексико-семантического поля концепта “*soul*” находятся единицы “*spirit*” и “*psyche*”, что совпадает с расположением единицы «дух» в поле русского концепта. Тем не менее, несмотря на наличие общих значений, единицы лексико-семантических полей русского и английского концептов имеют разное расположение. Единицы, значения которых выражают тесную связь души и сердца человека, находятся в ядре лексико-семантического поля концепта «душа». В поле концепта “*soul*” единица “*heart*” находится в околоядерной зоне. Расположение единиц «внутренний мир», «чувство», «переживание» близко к ядру поля концепта «душа» указывает на то, что в понимании русского человека все его эмоции и переживания зарождаются именно в душе. В английской картине мира переживания человека сконцентрированы в его разуме, что подтверждается наличием в околоядерной зоне таких единиц, как “*mind*”, “*reason*”, “*intellect*”. Соответственно, связь между душой и чувствами человека менее выражена в английской лингвокультуре. Кроме того, на периферии полей концептов «душа» и “*soul*” находятся единицы, значения которых указывают на разное представление о наиболее значимых свойствах души человека. Единицы «суть», «естество», «нутро», «характер», «темперамент» выражают важность осознания истинной природы вещей и человека для русского народа, в русской лингвокультуре душа делает человека самим собой. На периферии английского концепта “*soul*” находятся единицы “*vital force*” и “*animating principle*” что в совокупности с ядерными единицами “*life*” и “*vitality*” дает основания предполагать об ином представлении души в английской лингвокультуре, где наиболее важным свойством души является ее бессмертие. Душа вдыхает жизнь в тело человека и продолжает существовать даже после его смерти.

Богатую почву для изучения особенностей репрезентации русских национальных концептов в художественной литературе представляют произведения русских писателей. Художественные произведения, несмотря на представление «частной» концептосферы писателей, создаются под влиянием культуры и ценностей, принятых в данном народе, и способствуют конкретизации и систематизации значений, входящих в концепт. В данной работе был проведен сопоставительный анализ средств выражения концептов «судьба» и «душа» в пьесах А. П. Чехова «Чайка», «Три сестры» и «Вишневый сад» и их переводов британскими писателями-драматургами Кристофером Хэмптоном, Томом Стоппардом, Хью Эплином, Сарой Рул и Майклом Фрейном.

Концепты «судьба» и «душа» в произведениях можно представить в виде когнитивно-пропозициональных структур, формируемых на основе всех свойств базовых лексем, которые их репрезентируют [7, с. 52]. Соответственно, когнитивно-пропозициональная структура концептов является обобщенной логической моделью отношений, которая находит свое отражение в глубинной грамматике.

Исходя из результатов сопоставительного анализа репрезентации концепта «судьба» в русском и английском языках, можно сделать вывод о том, что когнитивно-пропозициональная структура концепта имеет сходные позиции в пьесах и их переводах. Выступая в субъектной позиции, концепт «судьба», как правило, персонифицируется. Судьба метафорически изображается как стихия, как покровитель или как противник в борьбе, как, например, в отрывке из пьесы «Вишневый сад»: «...Я должен выразиться о себе, между прочим, что судьба относится ко мне без сожаления, как буря к небольшому кораблю» [8, с. 127]. Концепт в субъектной позиции указывает на подчинение человека воле судьбы и его невозможность повлиять на происходящие события самостоятельно. При переводе судьба может иметь образ противника в борьбе или стихии, что ярко демонстрирует недоброжелательное отношение высших сил к человеку и его несогласие с жизненными обстоятельствами. Данная особенность подтверждается в переводе приведенного выше отрывка, выполненном М. Фрейном: “*I must state on my behalf that fate has given me numerous merciless blows.*” [9, p. 33].

Судьба в пьесе «Три сестры» имеет позицию предиката, что усиливает значение предопределенности событий в жизни человека. Примером актуализации концепта в данной позиции является отрывок: «*А мне вот всю мою жизнь везет, я счастлив...*» [10, с. 234]. Позиция предиката выражается единицами «*везет*» и «*счастлив*» и указывает на то, что персонаж обладает удачей, это присущая ему черта. В переводе Х. Эплина позиция концепта сохраняется и репрезентируется единицами “*lucky*” и “*fortunate*”: “*I’ve been lucky all my life. I am very fortunate.*” [11, p. 192]. В переводах данная позиция используется чаще, чем в оригинальных произведениях. Данная особенность может говорить о том, что выражение предопределенности событий преимущественно посредством глаголов является более близким для английской лингвокультуры.

Выступая в позиции объекта, концепт «судьба» наиболее часто приобретает значение участи, которую человек обречен нести всю жизнь. При анализе данной позиции концепта были выявлены метафорические модели судьбы как креста и жребия, как в данном отрывке из пьесы «Чайка»: «*Жребий людей различен. Одни едва влачат свое скучное, незаметное существование... <...> другим же, как, например, вам, — вы один из миллиона, — выпала на долю жизнь интересная, светлая, полная значения.*» [12, с. 70]. Судьба, которая сравнивается с крестом, указывает на исключительное место Бога и веры в жизни русского человека: он смиренно принимает многие испытания, так как считает их необходимыми для достижения высшей цели. Данные образы судьбы не являются характерной репрезентацией концепта “*destiny*” в английском языке. При переводе объектной позиции концепта «судьба» значение контроля судьбы человека высшими силами становится менее выраженным по сравнению с оригиналом, так как лексические единицы, репрезентирующие судьбу, чаще находятся в предложениях в роли дополнений, а не подлежащих в односоставных номинативных предложениях. Примером данной особенности

служит перевод приведенного выше отрывка К. Хэмптоном, в котором содержится единица “*destiny*”: “*People have so different destinies. Some people scarcely plod through their dull, obscure lives... <...> and others, like you, for example, — you’re one in a million — fate deals them a really fascinating life.*” [13, p. 40].

Судьба в позиции места действия, как правило, указывает на стремление персонажей к счастливому будущему, в котором они видят свою конечную цель, ради которой они терпят лишения в настоящем. Концепт в данной позиции наиболее часто имеет образы дороги и звезды, как в данном отрывке из пьесы «Чайка»: «*Вы нашли свою дорогу, вы знаете, куда идете, а я все еще ношусь в хаосе грез и образов, не зная, для чего и кому это нужно*» [12, с. 280]. Позиция места действия сохраняется и в переводах, однако в некоторых случаях концепт “*destiny*” не репрезентируется напрямую: образ судьбы человека как пути выражается с помощью глаголов движения, конкретно-пространственных предлогов и наречий места. В переводе отрывка из пьесы «Чайка» Т. Стоппард выражает данный концепт имплицитно: “*So you’ve found yourself, you know where you’re going - and I’m still adrift in a chaos of dreams and images, with no faith in myself, and no idea where I’m going, or what I’m for.*” [14, p. 69].

Выступая в позиции атрибутивной характеристики, концепт включает в себе оценку судьбы персонажами. Для них счастливая и яркая судьба наполнена смыслом, а осознание цели в жизни является для героев ключом к светлому и радостному будущему. Примером атрибутивных характеристик концепта является данный отрывок пьесы «Три сестры»: «*Жизнь тяжела. Она представляется многим из нас глухой и безнадежной, но все же, надо сознаться, она становится все яснее и легче, и, по-видимому, не далеко время, когда она станет совсем ясной*» [10, с. 270]. В переводе С. Рул атрибутивные параметры концепта сохраняются: “*Life’s hard. It can look so dim, so grim, but doesn’t it get clearer and more light? One day it will be perfectly light.*” [15, p. 119].

Когнитивно-пропозициональная структура концепта «*душа*» в пьесах имеет позиции субъекта, места действия, объекта и реже атрибутивной характеристики. В репрезентации концепта «*душа*» в русском языке и концепта “*soul*” в английском языке было выявлено больше несоответствий по сравнению с языковым выражением концептов «*судьба*» и “*destiny*”.

Выступая в позиции субъекта, концепт «*душа*» персонифицируется и представляется как отдельное от человека живое существо, под влиянием которого вынужден вести себя определенным образом. Кроме того, душа человека как субъект может находиться где-либо отдельно от его тела. Примером подобного употребления концепта является следующий отрывок: «*Нина! Нина! Это вы... вы... Я точно предчувствовал, весь день душа моя томилась ужасно*» [13, с. 265]. Метафорическая модель души как живого существа менее характерна для английского языка. В переводах концепт может приобретать объектную позицию в метафорической модели «*душа как орган*», в которой душевные переживания человека приравниваются к

физическому дискомфорту, что подтверждается в переводе отрывка Т. Стоппардом: *“Oh, Nina, Nina... It’s really you. Oh, I had a feeling... my heart’s been aching all day”* [14, p. 66].

Наиболее часто концепт «душа» в пьесах имеет позицию места действия. В данной позиции душа представляет собой объект-вместилище для чувств и переживаний человека, что выражается с помощью конкретно-пространственных предлогов, как в данном отрывке из пьесы «Три сестры»: *«Сегодня утром проснулась, увидела массу света, увидела весну, и радость заволновалась в моей душе, захотелось на родину страстно.»* [10, с. 10]. В английском языке образ души как вместилища, как правило, заменяется на метафору сердца как места или органа, содержащего чувства человека. Эта особенность подтверждается переводом приведенного выше отрывка Х. Эплином: *“I saw the spring, and joy filled my heart. I am passionately longing to go back home!”* [11, p. 130]. Данные различия в языковом выражении концептов могут быть связаны с более абстрактным пониманием души в английской концептосфере и отсутствием в английском языке разнообразия устойчивых метафор для репрезентации концепта “soul”.

Концепт «душа» в пьесах также актуализируется в объектной позиции. Концепт в данной позиции метафорически изображается как часть тела человека, находящаяся в области его грудной клетки и вызывающая у него физический дискомфорт при сильных переживаниях. Примером объектной позиции концепта является следующий отрывок из пьесы «Вишневый сад»: *«И все же душа моя всегда, во всякую минуту, и днем, и ночью была полна неизъяснимых предчувствий.»* [8, с. 78]. В переводах объектная позиция концепта чаще всего сохраняется, и душа также изображается как предмет, принадлежащий человеку, как в переводе данного примера Т. Стоппардом: *“And still, the whole time, every second of the day and night, my soul has been filled with a sense of things to come, an inexpressible, indescribable feeling of happiness to come...”* [16, p. 41]. Тем не менее, в английском языке, как правило, нет определенных образов, посредством которых душа может репрезентироваться как неодушевленный предмет.

Концепт «душа» обладает рядом атрибутивных параметров. Концепт наделяется характеристиками, когда он представлен как объект, отдельный от человека, либо когда лексемой «душа» называют самого человека и дают оценку его характеру. В пьесе «Вишневый сад» наивного персонажа Петра Трофимова называют «чистой душой»: *«Ну, Петя... ну, чистая душа... я прощения прошу... Пойдемте танцевать...»* [8, с. 240]. В переводах атрибутивные параметры концепта чаще всего сохраняются, как в версии перевода приведенного выше отрывка М. Фрейном: *“Now, Petya... Poor, pure heart...I apologise... Come here, let’s dance...”* [9, p. 62]. Исходя из анализа атрибутивных параметров концепта, можно отметить, что герои произведений воспринимают душу как чистое и светлое начало в человеке, что характерно как для русской, так и для английской концептосферы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что анализ языковых средств репрезентации концептов «судьба» и «душа» в русской

художественной литературе позволяет выявить закономерности восприятия судьбы и души, присущие русскому народу. При переводе на английский язык единиц, представляющих национальные концепты, переводчики, как правило, стараются передать характерные черты мировоззрения русского человека. Тем не менее, зачастую переводчики также обращаются к языковым средствам, относящимся к картине мира языка перевода, обеспечивая лучшее их понимание реципиентами переводящего языка.

Список использованной литературы

1. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: «Истоки», 2007. 250 с.
2. *Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений Н. Абрамова.* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dict.t-mm.ru/all/cudba.html> (дата обращения: 16.03.2021).
3. *Жданова, Н. В.* Концепт «судьба» в русском и английском языках // Вестник Новгородского государственного университета. 2006. №36. С. 52-54.
4. *Oxford Thesaurus.* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thesaurus.com/browse/destiny> (дата обращения: 18.04.2021).
5. *Андреев, К. П.* О лакунарности и ее видах на примере вербализации макроконцепта «предпринимательство» (на материале немецкого и русского языков) // Коммуникативные аспекты языка и культуры: сборник материалов XV Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых, 2015. Ч. 2. С. 85-87.
6. *Oxford Thesaurus.* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thesaurus.com/browse/soul> (дата обращения: 23.03.2022).
7. *Нормуродова, Н.* Когнитивно-пропозициональная структура дуального концепта как вербализатор языковой личности автора // Иностранная филология. 2018. С. 52-58.
8. *Чехов, А. П.* Вишневый сад / А. П. Чехов. М.: АСТ, 2016. 352 с.
9. *Chekhov, A.* The Cherry Orchard. Translated by Michael Frayn. London: Methuen Drama, 2015. 98 p.
10. *Чехов, А. П.* Три сестры. СПб.: Азбука-классика, 2015. 288 с.
11. *Chekhov, A.* Plays: New Translation: The Cherry Orchard, Three Sisters, The Seagull and Uncle Vanya (Evergreens). By H. Aplin. London: Alma Classics, 2018. 320 p.
12. *Чехов, А. П.* Чайка / А. П. Чехов. СПб.: Азбука-классика, 2017. 288 с.
13. *Chekhov, A.* The Seagull. In a New Version by C. Hampton. New York: Dramatists Play Service, 2009. 84 p.
14. *Chekhov, A.* The Seagull. A Version by Tom Stoppard. New York: Grove Press, 2018. 76 p.
15. *Chekhov, A.* Three Sisters (a New Version by Sarah Ruhl). New York: Samuel French, 2015. 109 p.
16. *Chekhov, A.* The Cherry Orchard. Translated by Tom Stoppard. New York: Samuel French, 2012. 82 p.